

В. А. Зелинский

**Русская критическая
литература о произведениях
М. Ю. Лермонтова. Часть 1-2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. А. Зелинский**
Русская критическая литература о произведениях М. Ю. Лермонтова. Часть
1-2 / В. А. Зелинский – М.: Книга по Требованию, 2018. – 456 с.

ISBN 978-5-517-97127-2

ISBN 978-5-517-97127-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БИОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О МИХАИЛѢ ЮРЬЕВИЧѢ ЛЕРМОНТОВѢ.

*) Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ — гениальный русскій поэтъ, род. въ Москвѣ 2 окт. 1814 г. Въ шотландскихъ преданіяхъ, не исчезнувшихъ окончательно и до сихъ поръ, живетъ имя *Лермонта—поэта* или *пророка*; ему посвящена одна изъ лучшихъ балладъ Вальтера Скотта, рассказывающая, согласно народной легендѣ, о похищеніи его феями. Русскій поэтъ не зналъ этого преданія, но смутная память о шотландскихъ легендарныхъ предкахъ не разъ тревожила его поэтическое воображеніе: ей посвящено одно изъ самыхъ зрѣлыхъ стихотвореній Л., — „Желаніе“. Изъ ближайшихъ предковъ Л. документы сохранились относительно его пра-дѣда Юрія Петровича, воспитанника шляхетскаго кадетскаго корпуса. Въ это время родъ Л. пользовался еще благосостояніемъ; захудалость началась съ поколѣній, ближайшихъ ко времени поэта. Отецъ его, Юрій Петровичъ, былъ бѣднымъ пѣхотнымъ капитаномъ въ отставкѣ. По словамъ Сперанскаго, отецъ будущаго поэта былъ замѣчательный красавецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ „пустой“, „странный“ и даже „худой“ человекъ. Этотъ отзывъ основанъ на отношеніяхъ Л. — отца къ тещѣ, Елизаветѣ Алексѣевнѣ Арсеневой, урожденной Столыпиной; но эти отношенія не могутъ быть поставлены въ вину Юрію Л. — и такъ, несомнѣнно, смотрѣлъ на нихъ самъ Михаилъ Юрьевичъ, въ теченіе всей своей жизни не перестававшій питать глубокую преданность къ отцу, а когда онъ умеръ — къ его памяти. Сохранилось

*) Статья И. И. Иванова. „Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрова“. Слб. 1896 г., 34 полутомъ.

письмо четырнадцатилѣтняго поэта, стихотворенія болѣе зрѣлаго возраста—и всюду одинаково образъ отца обвиняетъ всею нѣжностью сыновней любви. Помѣстье Юрія Л. — Кроптовка, Ефремовскаго у., Тульской губ. — находилось по сосѣдству съ селомъ Васильевскимъ, принадлежавшимъ роду Арсеньевыхъ. Красота Юрія Петровича увлекла дочь Арсеньевой, Марію Михайловну, и, несмотря на протестъ своей родовой и гордой родни, она стала женой „армейскаго офицера“; но для ея семьи этотъ офицеръ навсегда остался чужимъ человѣкомъ. Марія Михайловна умерла въ 1817 г., когда сыну ея не было еще трехъ лѣтъ, но оставила много дорогихъ образовъ въ воспоминаніяхъ будущаго поэта. Сохранился ея альбомъ, наполненный стихотвореніями, отчасти, можетъ быть, ею сочиненными, отчасти переписанными; они свидѣтельствуютъ о нѣжномъ ея сердцѣ. Впослѣдствіи поэтъ говорилъ: *Въ слезахъ утѣшила мать моя;* всю жизнь не могъ онъ забыть, какъ мать пѣвала надъ его колыбелью. Самый Кавказъ былъ ему дорогъ прежде всего потому, что въ его пустыняхъ онъ какъ бы слышалъ давно утраченный голосъ матери.. Бабушка страстно полюбила внука. Энергичная и настойчивая, она употребляла всѣ усилія, чтобы одной безраздѣльно владѣть ребенкомъ. О чувствахъ и интересахъ отца она не заботилась. Л. въ юношескихъ произведеніяхъ весьма полно и точно воспроизводилъ событія и дѣйствующихъ лицъ своей личной жизни. Въ драмѣ съ нѣмецкимъ заглавіемъ—„Menschen u. Leidenschaften“—разсказанъ раздоръ между его отцомъ и бабушкой. Л. - отецъ не въ состояніи былъ воспитывать сына, какъ этого хотѣлось аристократической роднѣ—и Арсеньева, имѣя возможность тратить на внука „по четыре тысячи въ годъ на обученіе разнымъ языкамъ“, взяла его къ себѣ, съ уговоромъ воспитывать его до 16 лѣтъ, и во всемъ совѣтоваться съ отцомъ. Послѣднее условіе не выполнялось; даже свиданія отца съ сыномъ встрѣчали непреодолимые препятствія со стороны Арсеньевой. Ребенокъ съ самаго начала долженъ былъ сознавать противоестественность этого положенія. Его дѣтство протекало въ помѣстьѣ бабушки,

Тарханахъ, Пензенской губерніи; его окружали любовью и заботами—но свѣтлыхъ впечатлѣній, свойственныхъ возрасту, у него не было. Въ неоконченной юношеской „Повѣсти“ описывается дѣтство Саши Арбенина, двойника самого автора. Саша съ 6-ти-лѣтняго возраста обнаруживаетъ наклонность къ мечтательности, страстное влеченіе ко всему героическому, величавому, бурному. Л. родился болѣзненнымъ, и все дѣтство страдалъ золотухой; но болѣзнь эта развила въ ребенкѣ необычайную нравственную энергію. Въ „Повѣсти“ признается ея вліяніе на умъ и характеръ героя: „онъ выучился думать... Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, Саша началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе для него стало новой игрушкой... Въ продолженіе мучительныхъ бессонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже призывалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души... Вѣроятно, что раннее умственное развитіе не мало помѣшало его выздоровленію...“ Это раннее развитіе стало для Л. источникомъ огорченій: никто изъ окружающихъ не только не былъ въ состояніи пойти навстрѣчу „грезамъ его души“, но даже не замѣчалъ ихъ. Здѣсь коренятся основные мотивы поэзіи разочарованія. Въ угрюмомъ ребенкѣ растетъ презрѣніе къ повседневной окружающей жизни. Все чуждое, враждебное ей возбуждало въ немъ горячее сочувствіе: онъ самъ одинокъ и несчастливъ,—всякое одиночество и чужое несчастье, простирающееся отъ людского непониманія, равнодушія или мелкаго эгоизма, кажется ему своимъ. Въ его сердцѣ живутъ рядомъ чувство отчужденности среди людей и непреодолимая жажда *родной души*, такой же одинокой, близкой поэту своими грезами и, можетъ быть, страданіями. И въ результатѣ: „въ ребячествѣ моемъ тоску любви знойной ужъ сталъ я понимать душою безпокойной“. Мальчикомъ 10 лѣтъ его повезли на Кавказъ, на воды; здѣсь онъ встрѣтилъ дѣвочку лѣтъ девяти — и въ первый разъ у него проснулось необыкновенно глубокое чувство, оставившее память на всю жизнь, но сначала для него неясное и неразгаданное. Два года спустя поэтъ рассказы-

ваетъ о новомъ увлеченіи, посвящаетъ ему стихотвореніе: *къ Генію*. Первая любовь неразрывно слилась съ подавляющими впечатлѣніями Кавказа. „Горы кавказскія для меня священны“,—писалъ Л.; онѣ объединили все дорогое, что жило въ душѣ поэта-ребенка. Съ осени 1825 г. начинаютъ болѣе или менѣе постоянныя учебныя занятія Л., но выборъ учителей—французъ Сарет и бѣжавшій изъ Турціи грекъ—былъ неудаченъ. Грекъ вскорѣ совсѣмъ бросилъ педагогическія занятія, и занялся скорняжнымъ промысломъ. Французъ, очевидно, не внушилъ Л. особеннаго интереса къ французскому языку и литературѣ: въ ученическихъ тетрадяхъ Л. французскія стихотворенія очень рано уступаютъ мѣсто русскимъ. 15-тилѣтнимъ мальчикомъ онъ сожалѣетъ, что не слышалъ въ дѣтствѣ русскихъ народныхъ сказокъ: „въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“. Его плѣняютъ загадочные, но мужественные образы отщепенцевъ человѣческаго общества—„корсаровъ“, „преступниковъ“, „плѣнниковъ“, „узниковъ“. Спустя два года послѣ возвращенія съ Кавказа Л. повезли въ Москву и стали готовить къ поступленію въ университетскій благородный пансіонъ. Учителями его были Зиновьевъ, преподаватель латинскаго и русскаго языка въ пансіонѣ, и французъ Gondrot, бывшій полковникъ наполеоновской гвардіи; его смѣнилъ въ 1829 г. англичанинъ Виндсонъ, познакомившій его съ англійской литературой. Въ пансіонѣ Л. оставался около двухъ лѣтъ. Здѣсь, подъ руководствомъ Мерзлякова и Зиновьева, процвѣталъ вкусъ къ литературѣ: происходили „засѣданія по словесности“, молодые люди пробовали свои силы въ самостоятельномъ творествѣ, существовалъ даже какой-то журналъ, при главномъ участіи Л. Поэтъ горячо принялся за чтеніе; сначала онъ поглощенъ Шиллеромъ, особенно его юношескими трагедіями; затѣмъ онъ принимаетъ за Шекспира, въ письмѣ къ родственницѣ „вступаетъ за честь его“, цитируетъ сцены изъ *Гамлета*. Попрѣжнему Л. ищетъ *родной души*, увлекается дружбою то съ однимъ, то съ другимъ товарищемъ, испытываетъ разочарованія, негодуетъ на легкомы-

сле и измѣну друзей. Последнее время его пребывания въ пансіонѣ — 1829-й годъ — отмѣчено въ произведеніяхъ Л. необыкновенно мрачнымъ разочарованіемъ, источникомъ котораго была совершенно реальная драма въ личной жизни Л. Срокъ воспитанія его подъ руководствомъ бабушки приходилъ къ концу; отецъ часто навѣщалъ сына въ пансіонѣ, и отношенія его къ тещѣ обострились до крайней степени. Борьба развивалась на глазахъ Михаила Юрьевича; она подробно изображена въ юношеской его драмѣ. Бабушка, ссылаясь на свою одинокую старость, взывая къ чувству благодарности внука, отвоевала его у зятя. Отецъ уѣхалъ, униженный и оскорбленный болѣе, чѣмъ когда либо, и вскорѣ умеръ. Стихотворенія этого времени — яркое отраженіе пережитаго поэтомъ. У него является особенная склонность къ воспоминаніямъ: въ настоящемъ, очевидно, немного отрады. „Мой духъ погасъ и состарѣлся“, — говоритъ онъ, и только „смутный памятникъ прошедшихъ милыхъ лѣтъ“ ему „любезенъ“. Чувство одиночества переходитъ въ безпомощную жалобу; юноша готовъ окончательно порвать съ внѣшнимъ міромъ, создаетъ „въ умѣ своемъ“ „міръ иной и образовъ иныхъ существованье“, считаетъ себя „отмѣченнымъ судьбой“, „жертвой посреди степей“, „сыномъ природы“. Ему „міръ земной тѣсенъ“, порывы его „удручены ношею обмановъ“, передъ нимъ призракъ преждевременной старости... Въ этихъ изліяніяхъ, конечно, много юношеской игры въ страстныя чувства и героическія настроенія, но въ ихъ основѣ лежатъ безусловно искреннія огорченія юноши, несомнѣнный духовный разладъ его съ окружающей дѣйствительностью. Къ 1829 г. относятся первый очеркъ „Демона“ и стихотвореніе „Монологъ“, предвѣщающее „Думу“. Поэтъ отказывается отъ своихъ вдохновеній, сравнивая свою жизнь съ осеннимъ днемъ, и рисуетъ „измученную душу“ Демона, живущаго безъ вѣры, съ презрѣніемъ и равнодушіемъ ко „всему на свѣтѣ“. Въ „Монологѣ“ изображаются „дѣти сѣвера“, ихъ „пасмурная жизнь“, „пустыя бури“, безъ „любви“ и „дружбы сладкой“. Немного спустя, оплакивая отца, онъ себя и его на-

зываетъ „жертвами жребія земного“; „ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не дано!..“ Весной 1830 г. благородный пансіонъ былъ преобразованъ въ гимназію, и Л. оставилъ его. Лѣто онъ провелъ въ подмосковномъ помѣстьѣ брата бабушки, Столыпина. Недалеко жили другіе родственники Л.—Верецагины; Александра Верецагина познакомила его съ своей подругой Екатериной Сушковой, также сосѣдкой по имѣнію. Сушкова, въ послѣдствіи Хвостова, оставила записки объ этомъ знакомствѣ. Содержаніе ихъ — настоящій „романъ“, распадающійся на двѣ части: въ первой торжествующая и насмѣшливая героиня, Сушкова, во второй — холодный и даже жестоко мстительный герой, Л. Шестнадцатилѣтній „отрокъ“, наклонный къ „сентиментальнымъ сужденіямъ“, невзрачный, косолапый, съ красными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительной улыбкой, менѣе всего могъ казаться интереснымъ кавалеромъ для юныхъ барышень. Въ отвѣтъ на его чувства ему предлагали „волчокъ или веревочку“, угощали булочками, съ начинкой изъ опилокъ. Сушкова, много лѣтъ спустя послѣ событій, изобразила поэта въ недугѣ безнадежной страсти и приписала себѣ даже стихотвореніе, посвященное Л. другой дѣвицѣ — Варенькѣ Лопухиной, его сосѣдкѣ по московской квартирѣ на Малой Молчановкѣ: къ ней онъ питалъ до конца жизни едва ли не самое глубокое чувство, когда либо вызванное въ немъ женщиной. Въ то же лѣто (1830) вниманіе Л. сосредоточилось на личности и поэзіи Байрона; онъ впервые сравниваетъ себя съ англійскимъ поэтомъ, сознаетъ сродство своего нравственнаго міра съ байроновскимъ, посвящаетъ нѣсколько стихотвореній іюльской революціи. Врядъ ли, въ виду всего этого, увлеченіе поэта „черноокой“ красавицей, т. е. Сушковой, можно признавать такимъ всепоглощающимъ и трагическимъ, какъ его рисуетъ сама героиня. Но это не мѣшало „роману“ внести новую горечь въ душу поэта; это докажетъ въ послѣдствіи его дѣйствительно жестокая месть — одинъ изъ его отвѣтовъ на людское безсердечіе, легкомысленно отравлявшее его „ребяческіе дни“, гасившее въ его душѣ „огонь божественный“.

Съ сентября 1830 г. Л. числится студентомъ московскаго университета, сначала на „нравственно-политическомъ отдѣленіи“, потомъ на „словесномъ“. Университетское преподаваніе того времени не могло способствовать умственному развитію молодежи; студенты въ аудиторіяхъ немногимъ отличались отъ школьниковъ. Серьезная умственная жизнь развивалась за стѣнами университета, въ студенческихъ кружкахъ; но Л. не сходилъ ни съ однимъ изъ нихъ. У него, несомнѣнно, больше наклонности къ свѣтскому обществу, чѣмъ къ отвлеченнымъ товарищескимъ бесѣдамъ: онъ, по природѣ, наблюдатель дѣйствительной жизни. Давно уже, притомъ, у него исчезло чувство юной, ничѣмъ не омраченной довѣрчивости, охладѣла способность отзываться на чувство дружбы, на малѣйшій проблескъ симпатіи. Его нравственный міръ былъ другого склада, чѣмъ у его товарищей, восторженныхъ гегельянцевъ и эстетиковъ. Онъ не менѣе ихъ уважалъ университетъ: „свѣтлый храмъ науки“ онъ называетъ „святымъ мѣстомъ“, описывая отчаянное пренебреженіе студентовъ къ жрецамъ этого храма. Онъ знаетъ и о философскихъ заносчивыхъ „спорахъ“ молодежи, но самъ не принимаетъ въ нихъ участія. Онъ, вѣроятно, даже не былъ знакомъ съ самымъ горячимъ спорщикомъ—знаменитымъ впоследствии критикомъ, хотя одинъ изъ героевъ его студенческой драмы: „Странный человѣкъ“, носить фамилію *Бѣлинскій*. Эта драма доказываетъ интересъ Л. къ надеждамъ и идеаламъ тогдашнихъ лучшихъ современныхъ людей. Главный герой—Владимиръ—воплощаетъ самого автора, его устами поэтъ откровенно сознается въ мучительномъ противорѣчьи своей натуры. Владимиръ знаетъ эгоизмъ и ничтожество людей—и все-таки не можетъ покинуть ихъ общество: „когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ,—и это такъ тяжело!“ Еще важнѣе драма, какъ выраженіе общественныхъ идей поэта. Мужикъ рассказываетъ Владимиру и его другу, Бѣлинскому—противникамъ крѣпостного права,—о жестокостяхъ помѣщицы и о другихъ крестьянскихъ невзгодахъ. Рассказъ приводитъ Владимира въ гнѣвъ,

вырываетъ у него крикъ: „О мое отечество! мое отечество!“,—а Бѣлинскаго заставляетъ практически помочь мужикамъ.

Для поэтической дѣятельности Л. университетскіе годы оказались въ высшей степени плодотворны. Талантъ его зрѣлъ быстро, духовный міръ опредѣлялся рѣзко. Л. усердно посѣщаетъ московскіе салоны, балы, маскарады. Онъ знаетъ дѣйствительную цѣну этихъ развлеченій, но умѣетъ быть веселымъ, раздѣлять удовольствія другихъ. Поверхностнымъ наблюдателямъ казалась совершенно неестественной бурная и гордая поэзія Л., при его свѣтскихъ талантахъ. Они готовы были демонизмъ и разочарованіе его счесть „драпировкой“, „веселый, непринужденный видъ“ признать истинно лермонтовскимъ свойствомъ, а жгучую „тоску“ и „злость“ его стиховъ — притворствомъ и условнымъ поэтическимъ маскарадомъ. Но именно поэзія и была искреннимъ отголоскомъ лермонтовскихъ настроеній. „Меня спасало вдохновеніе отъ мелочныхъ суетъ“, — писалъ онъ, и отдавался творчеству, какъ единственному чистому и высокому наслажденію. „Свѣтъ“, по его мнѣнію, все нивелируетъ и опошливаетъ, сглаживаетъ личные отѣнки въ характерахъ людей, вытраиваетъ всякую оригинальность, приводитъ всѣхъ къ одному уровню одушевленнаго манекена. Принизивъ челоуѣка, „свѣтъ“ пріучаетъ его быть счастливымъ именно въ состояніи безличія и приниженности, наполняетъ его чувствомъ самодовольства, убиваетъ всякую возможность нравственнаго развитія. Л. боится самъ подвергнуться такой участи; болѣе чѣмъ когда-либо онъ прячетъ свои задушевные думы отъ людей, вооружается насмѣшкой и презрѣніемъ, подчасъ разыгрываетъ роль добраго малаго или отчаяннаго искателя свѣтскихъ приключеній. Въ уединеніи ему припоминаются кавказскія впечатлѣнія—могучія и благородныя, ни единой чертой не похожія на мелочи и немощи утонченнаго общества. Онъ повторяетъ мечты поэтовъ прошлаго вѣка о естественномъ состояніи, свободномъ отъ „приличья цѣпей“, отъ золота и почестей, отъ взаимной вражды людей. Онъ не можетъ

допустить, чтобы въ нашу душу были вложены „неисполнимыя желанія“, чтобы мы тщетно искали „въ себѣ и въ мірѣ совершенство“. Его настроеніе — разочарованіе *дѣятельныхъ нравственныхъ силъ*, разочарованіе въ *отрицательныхъ явленіяхъ* общества, во имя очарованія *положительными* задачами человѣческаго духа. Эти мотивы вполнѣ опредѣлились во время пребыванія Л. въ московскомъ университетѣ, о которомъ онъ именно потому и сохранилъ память, какъ о „святомъ мѣстѣ“. Л. не пробылъ въ университетѣ и двухъ лѣтъ; выданное ему *свидѣтельство* говоритъ объ увольненіи „по прошенію“—но прошеніе, по преданію, было вынуждено студенческой исторіей съ однимъ изъ именѣе почтенныхъ профессоровъ Маловымъ. Съ 18 іюня 1832 г. Л. болѣе не числился студентомъ. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ, съ намѣреніемъ снова поступить въ университетъ, но попалъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Эта переменна карьеры не отвѣчала желаніямъ бабушки и, очевидно, вызвана настояніями самого поэта. Еще съ дѣтства его мечты носили воинственный характеръ. Кавказъ сильно подогрѣлъ ихъ. Въ пансіонскихъ эпиграммахъ постоянно упоминается *царь*, въ роли счастливаго Донъ-Жуана. Усердно занимаясь рисованіемъ, поэтъ упражнялся преимущественно въ „батальномъ жанрѣ“. Такими же рисунками наполненъ и альбомъ его матери. Въ двадцатыхъ годахъ и началѣ тридцатыхъ гражданскія профессіи, притомъ, не пользовались уваженіемъ высшаго общества. По свидѣтельству товарища Л., всѣ не-военные слыли „подъячими“. Л. оставался въ школѣ два злополучныхъ года, какъ онъ самъ выражался. Объ умственномъ развитіи учениковъ никто не думалъ; имъ „не позволялось читать книгъ чисто-литературнаго содержанія“. Въ школѣ издавался журналъ, но характеръ его вполнѣ очевиденъ изъ поэмъ Л., вошедшихъ въ этотъ органъ: „Уланша“, „Петергофскій празденникъ“... Наканунѣ вступленія въ школу Л. написалъ стихотвореніе „Парусъ“; „мятежный“ парусъ, „просящій бури“, въ минуты невозмутимаго покоя—это все та же съ дѣтства неугомная душа поэта. „Искалъ онъ въ людяхъ

совершенства, а самъ — самъ не былъ лучше ихъ“, говоритъ онъ устами героя поэмы „Ангель смерти“, написанной еще въ Москвѣ. Юнкерскій разгулъ и забіячество доставили ему теперь самую удобную среду для развитія какихъ угодно „несовершенствъ“. Л. ни въ чемъ не отставалъ отъ товарищей, являлся первымъ участникомъ во всѣхъ похожденияхъ — но и здѣсь избранная натура сказывалась немедленно послѣ самаго, повидимому, безотчетнаго веселья. Какъ въ московскомъ обществѣ, такъ и въ юнкерскихъ пирушкахъ Л. умѣлъ сберечь свою „лучшую честь“, свои творческія силы; въ его письмахъ слышится иногда горькое сожалѣніе о былыхъ мечтаніяхъ, жестокое самобичеванье за потребность „чувственнаго наслажденія“. Всѣмъ, кто вѣрилъ въ дарованіе поэта, становилось страшно за его будущее. Верещагина, неизмѣнный другъ Л., во имя его таланта заклинала его „твердо держаться своей дороги“... По выходѣ изъ школы, корнетомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, Л. живетъ попрежнему среди увлеченій и упрековъ совѣсти, среди страстныхъ порывовъ и сомнѣній, граничащихъ съ отчаяніемъ. О нихъ онъ пишетъ къ своему другу Лопухиной, но напрягаетъ всѣ силы, чтобы его товарищи и „свѣтъ“ не заподозрѣли его гамлетовскихъ настроеній. Люди, близко знающіе его, въ родѣ Верещагиной, увѣрены въ его „добромъ характерѣ“ и „любящемъ сердцѣ“; но Л. казалось бы унизительнымъ явиться добрымъ и любящимъ предъ „надменнымъ шутомъ — свѣтомъ“. Напротивъ, здѣсь онъ хочетъ быть безпощаденъ на словахъ, жестокъ въ поступкахъ, во что бы то ни стало прослыть неумолимымъ тираномъ женскихъ сердець. Тогда-то пришло время расплаты для Сушковой. Л. — гусару и уже извѣстному поэту ничего не стоило заполнить сердце когда-то насмѣшливой красавицы, разстроить ея бракъ съ Лопухинымъ, братомъ неизмѣнно любимой Вареньки и Маріи, къ которой онъ писалъ такія задушевные письма. Потомъ началось отступленіе: Л. принялъ такую форму обращенія съ Сушковой, что она немедленно была скомпрометирована въ глазахъ „свѣта“, понавъ въ положеніе смѣшной ге-